

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

В. Г. Циватый (Киев)

**ОБРАЗ ДИПЛОМАТА И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
ПРАКТИКА В ВОЙНАХ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ИЛИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

В истории политической мысли и процессов институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн¹.

В древности «дипломатия» возникла как вербальная форма взаимодействия между сообществами людей. В отличие от риторики, которая отводила важнейшую роль ораторскому красноречию, т.е. акцент делался на форме и манере изложения текста, в «дипломатии» были важны обе стороны процесса: как способность говорить/излагать, так и способность слушать/воспринимать речь посланника другой стороны, т.е. акцент делался на информационном содержании текста. В этой связи чрезвычайно важным является понимание места и роли дипломатии, институтов дипломатии в арсенале инструментов реализации внешней политики государства. С этой проблематикой связаны и оценочные суждения современников относительно различных государственно-правовых форм и типов правления, институционализации политико-дипломатических процессов, объективной оценки реальности и создания идеалов при освещении задач и практической деятельности власти.

Актуальность темы исследования определяется научной и теоретической значимостью затронутых в нём проблем. В современном мире всё более повышается значение дипломатии и политико-дипломатического инструментария в мировой политике и политической конфликтологии. Это обусловлено целым рядом объективных факторов развития общества, таких как кризис института государства, усиление интеграционных тенденций, формирование новой политико-дипломатической системы и системы международных отношений полицентричного мира XXI века, глобализация экономических, политических и межгосударственных отношений. Стремление и политико-философский поиск человечества найти в новых условиях прочный фундамент и ответ на животрепещущие вопросы для выстраивания общего будущего порождает особый

интерес к творческому наследию основателей науки теории и практики дипломатии, внешней политики и международного права.

Среди войн позднего Средневековья или раннего Нового времени особое место занимают Итальянские войны (1494–1559 гг.) и Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.). В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», совершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата позднего Средневековья или раннего Нового времени².

Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам позднего Средневековья или раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XV–XVIII вв.³

С одной стороны политические итоги этих войн изменили европейское общество, способствовали его трансформации, а с другой стороны – их масштабы способствовали ментальным сдвигам, т.е. во время войн постепенно начинает меняться мировоззрение, появилось новое поколение и новое светское мировоззрение, в т.ч. – и в сфере дипломатии. Формируется лабильный и стабильный образ дипломата позднего Средневековья или раннего Нового времени⁴.

Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии позднего Средневековья или раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти в сфере внешних сношений, моделей дипломатии и институтов дипломатии, переговорного процесса и дипломатической практики⁵. Процесс образования институтов дипломатии – институционализация – подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое.

Приёмы и методы дипломатии позднего Средневековья или раннего Нового времени – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства. Дипломатический инструментарий – это совокупность средств и способов, применяемых для достижения или осуществления поставленных целей. Трудности дипломатической практики связаны с целым рядом факторов и условий, которые могут или благоприятствовать, или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач или задач переговорного процесса.

Дипломаты позднего Средневековья или раннего Нового времени проводили прелиминарные переговоры, готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов. Уже в конце XV – начале XVI веков в Западной Европе началась быстрый переход к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим представительством. Было заложено основы институционализации внешней политики каждого отдельного государства и европейской внешней политики в целом⁶.

Характеризуя представления об эмоциях в дипломатии, надо иметь в виду, что соответствующие картины будут разными в разных дипломатических практиках государств, но при этом в них можно выделить некоторые универсалии, связанные с универсальностью человеческого опыта, на примере переговорного процесса (переговоров) в европейских странах позднего Средневековья и раннего Нового времени⁷. Эмоциональная окраска переговоров всегда играла важную роль при достижении поставленных задач. При этом также необходимо учитывать, что здесь также присутствует дилемма эмоции – чувства, но уже в этот период их следует разделять, делая акцент на когнитивной составляющей в эмоциях. Однако можно показать, что когнитивная составляющая в эмоциях является следствием их социокультурной обусловленности.

Наиболее распространённые эмоции в дипломатической практике связаны с определёнными внешними проявлениями (дипломату страшно, или дипломат сердится, или дипломат радуется и т.д.), которые затем переносятся и в дипломатический диалог.

Теория и практика дипломатии раннего Нового времени нашла своё отражение в следующих трудах дипломатов: Н. Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о послах», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла» и т.д.⁸

Особого внимания и похвалы заслуживает трактат великого голландского учёного Гуго Гроция «О праве войны и мира». Опираясь на достижения предшественников и систематизируя материал по различным аспектам международных отношений, внешней политики и дипломатии, он создал свой фундаментальный труд, интерес исследователей к которому не ослабевает уже почти четыре столетия. В своей работе Гуго Гроций придерживается естественно-правового направления, считая его наиболее подходящим для научного анализа и наиболее адекватно отражающим общественное и политическое

развитие социума. Недостаточное внимание, которое уделялось творчеству Гуго Гроция в советской историографии, когда его считали «отцом буржуазной науки международного права» и стремились не замечать, оставило значительные пробелы в изучении его произведений. Изучение и анализ трактата Гуго Гроция позволяет детализировать межгосударственные отношения в период войн XV–XVII вв., определить узловые вопросы и проблемы внешней и внутренней политики, институциональные особенности дипломатии государств Западной Европы позднего Средневековья или раннего Нового времени, создать образ дипломата исследуемого времени. Гуго Гроций был не только учёным-энциклопедистом и гениальным теоретиком, но и крупным государственным и политическим деятелем. Он принимал непосредственное участие в деятельности политических институтов своей эпохи, что особенно поднимает ценность его трудов как исторических источников.

Гуго Гроций в своих трудах стремился изложить теорию переговорного процесса и создать правовые механизмы, смягчающие последствия социально-политических конфликтов и военных катаклизмов в контексте приобретающих всё больший размах военных действий эпохи позднего Средневековья или раннего Нового времени. Его идеи и труды существенно повлияли на формирование Вестфальской системы международных отношений⁹.

Теоретики и практики дипломатии позднего Средневековья или раннего Нового времени, в своём большинстве, были уверены в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идёт о средствах, а не о целях¹⁰. Дипломат и политик обязан осознано или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических сравнений¹¹.

В работах современников исследуемого периода мы можем проследить зачатки классификации инструментов внешней политики государства: мирные инструменты внешней политики (многосторонние и односторонние) и силовые инструменты внешней политики. В своих трудах они описывают плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; дипломатия – как средство; медиация (посредничество); переговорный процесс.

Также уместны и рекомендации по управлению эмоциями во время переговоров, которые получают дипломаты от своих наставников в указанных выше трудах. Вполне естественно, что во время переговоров они не только обмениваются информацией, но ещё

обмениваются эмоциями. И поэтому очень важно уметь управлять своими эмоциями и эмоциями партнёра по переговорам¹².

В источниках анализируемого периода можно проследить следующие типы эмоционального сопровождения процесса дипломатических переговоров:

- начало и конец переговоров характеризуется следующим набором эмоций и чувств: доброжелательность, радость, приподнятое настроение;

- набор эмоций (эмоциональное состояние) в ходе переговоров: спокойствие, собранность, повышенная концентрация внимания, внимательность;

- кульминационный момент переговоров эмоциональное состояние: решительность, всплеск эмоций, напор, уверенность в себе, энергичность;

- при трудных переговорах: упорство, уверенность в себе, решимость, стойкость, крик, истерика, психологический напор или прессинг.

Предложенные модели описания поведения в дипломатическом переговорном процессе и, соответственно традиционные модели описания эмоций и эмоциональности в целом, не учитывают всей сложности эмоциональных процессов, предложенный выше подход даёт возможность более полного и корректного их описания для дальнейшего изучения указанных проблем эмоциональности в исторической ретроспективе¹³.

В дипломатических переговорах следует прислушиваться и к разуму, и к сердцу, опираться на трезвый расчёт и эмоции. Дипломату никуда не деться от своих эмоций, так что придётся принимать их во внимание, как и эмоции своих коллег-дипломатов.

Эмоции бывают положительные и отрицательные, испытывая первые, дипломат ощущает прилив сил, позитивные эмоции – например, гордость, надежда или облегчение – влияют очень хорошо на ход переговоров. А злость, раздражение и другие негативные эмоции мешают выстраивать деловые дипломатические отношения¹⁴.

Т.о., можно констатировать, что важными составляющими характеристики эмоциональности в дипломатических практиках позднего Средневековья или раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) являются внешние силы, воздействующие на дипломата извне или проникающие в его душу. В отличие от других чувств эмоции имеют социокультурную обусловленность, они возникают в процессе коммуникации и предполагают не рациональный анализ, а внутреннюю включённость в процессе (переговоры, общение, и т.д.) и особую

интуицию, выявляясь иногда по отчётливым, а иногда чуть заметным или внутренним признакам.

Разделение эмоций и разума, и трактовку эмоций как силы в дипломатических практиках, можно считать доминирующим мотивом в европейской дипломатии и в формировании образа дипломата раннего Нового времени.

Рациональные и иррациональные эмоции – их сочетание и составляет особенности дипломатических практик и деятельности дипломатов позднего Средневековья или раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), и в этот период уже ставится вопрос о требованиях контроля над эмоциями, хотя взгляды на пределы такого контроля различаются в дипломатических и ментальных установках системы ментальных координат.

Приёмы и методы дипломатии позднего Средневековья или раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства и формирование его институтов дипломатии. Цели дипломатической деятельности на практике, однако, зачастую сопряжены со значительными трудностями (яркие примеры чему мы находим в описаниях Никколо Макиавелли, Филиппа де Коммина, Франческо Гвиччардини и др.), и результаты могут не совпадать с ожиданиями и чаяниями. Связано это с целым рядом факторов и условий, эмоциями и эмоциональным состоянием в целом, которые могут или благоприятствовать, или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач.

Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Изменяющийся мир (общество, государство, личность), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства, дипломатического социума и дипломатических образов. Современная дипломатия в условиях глобального пространства, активно использует приобретённый в течение многих веков исторический опыт: как инструментарий, методы и формы дипломатии, так и принципы внешней политики. На современном этапе главной задачей для внешнеполитических служб мира является обеспечение устойчивого экономического развития и внутривнутриполитической стабильности своих государств в дипломатических системах и политико-институциональных координатах современного мира.

В период позднего Средневековья или раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) в дипломатических практиках всегда присутствовала

эмоциональная дилемма, главным образом влияющая на институциональный образ дипломата позднего Средневековья или раннего Нового времени – дилемма социального и индивидуального. Она не утратила актуальности у исследователей и сегодня...

¹ См. подр.: Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. – Paris, 2012.

² Nordmann C. La montée de la puissance européenne (1492–1661). – Paris: Presses universitaires de France, 1974. – P. 188–201.

³ См.: Mowat R.B. A History of European Diplomacy (1451–1789). – London, 1971.

⁴ Le Goff J. Les mentalités: une histoire ambiguë // Faire de l'histoire. III. – Paris, 1974. – P. 76–94.

⁵ Mowat R.B. Op. cit. – P. 166–169.

⁶ Livet G. L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle. – Paris, 1976.

⁷ Black J. A History of Diplomacy. – Reaktion Books, 2010.

⁸ Циватый В.Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны: Сборник научных статей / Под ред. М.А. Юсима. – М., 2013. – С. 271–285.

⁹ Chartier R. Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectories et questions // Revue de Synthèse. – Sér.3. – 1983. – V.8. – P. 277–307.

¹⁰ Эльфонд И.Я. Образ власти: Pro et contra. Политическая мифология, пропаганда и культура во Франции XVI в. – Саратов, 2011.

¹¹ Commynes Ph.de. Mémoires. – Paris, 1924–1925. – Т.3.

¹² Кальер Ф., де. О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. – М., 2000.

¹³ Lecointe J. L'Idéal et la Différence: La perception de la personnalité littéraire la Renaissance. – Genève, 1993.

¹⁴ См.: Собираательство и меценатство в эпоху Возрождения / ред.-сост. А.В.Доронин, О.Ф. Кудрявцев. – М., 2015.